

Всю первую неделю своего пребывания в деревянной клетке, где содержались рабы, Роман три раза на день с радостью убеждался, что его мужское достоинство не пострадало. Спор с Садой закончился ее поражением - в последний момент она приказала темнокожим остановить казнь и вытащить строптивого заключенного из палатки. Теперь, время от времени поглаживая гульфик своих кожаных штанов, Роман с энтузиазмом думал, что первый раунд закончился без потерь. Сада часто посещала его, чтобы посмотреть на упрянца, но всегда делала это издалека. Вдоволь по восхищавшись своим новым приобретением, она подстегивала лошадь и уезжала галопом. Гилев делал вид, что не замечает ее.

Тележка с клеткой стояла на некотором расстоянии от жилищ других рабов, в ложбине, покрытой черным песком, очень близко к скалистому холму, на вершине которого он очнулся месяц назад. Прутья клетки, несмотря на их хрупкий вид, оказались очень прочными; правда, не настолько, чтобы Роман не мог их сломать. Однако днем его тележка была хорошо видна, а ночью за ним наблюдали шесть всадников, вооруженных до зубов.

Сада явно не спешила знакомиться поближе. Гном Морфо тоже не появлялся. Каждый день вокруг клетки собиралась толпа монгов, чтобы потыкать его палками и позубоскалить на его счет. Какое-то время Роман терпеливо сносил и тычки, и насмешки, но однажды безрассудный Монг разозлил его. Разведчик выхватил палку из его рук и хорошенько огрел того по голове. Крича от боли, Монг метнулся в толпу, и через минуту все злословили на его счет. С тех пор Монги начали относиться к Роману с осторожным уважением, и без особой надобности не подходили к клетке ближе пяти метров.

Дважды в день его кормили. Обычно еда состояла из ломтика черного хлеба, кусочка жареного конского мяса и большого кувшина с очень распространенным пойлом, называемым бросс. Бросс готовили из смеси лошадиной крови и молока с добавлением различных степных трав. Сначала Роман не мог привыкнуть к его запаху и вкусу, но затем он даже начал отдавать дань этому неприхотливому напитку, потребляя его в огромных количествах.

Каждое утро Монги атаковали стену, и каждый вечер возвращались ни с чем. Огромная пушка, Дракон небесного грома, все еще стреляла, внушая благоговение толпам варваров; Роман надеялся, что воины Ката совершат ночную вылазку и отобьют его телегу, но затем решил, что Лали, очевидно, не может склонить своих генералов к такому рискованному маневру. Он с удивлением заметил, что все меньше и меньше вспоминает о маленькой императрице; Его больше не беспокоило, пустит ли она кого-нибудь в свою постель или сохранит ему верность.

Рустам тоже иногда подъезжал к его телеге, чтобы обменяться несколькими словами с охранниками, но никогда не разговаривал с заключенным, лишь изредка бросая на него косой взгляд.

Просидев неделю, Роман начал беспокоиться и строить всевозможные планы побега, какими бы фантастическими они ни казались. Живя под открытым небом, ему удалось покрыться грязью с головы до ног, его ранее ухоженная борода висела неопрятными клочьями. Охалка соломы, которую никто не удосужился поменять, после нескольких проливных дождей превратилась в сырое холодное месиво. Ночью Роман ослабил решетку, стараясь не привлекать к себе внимания; это было очень трудное сделать, так как охранники следили за ним в оба глаза.

В редкие дни, когда Монги не штурмовали стену, они в течение двенадцати часов тренировались в открытом поле, возле клетки Гилева синхронно выполняя упражнения, затем двигались в плотной колонне, а потом по сигналу трубы мгновенно перестраивали ряды. Все маневры были выполнены с идеальной точностью. Роман рассуждал, что в открытой схватке

солдаты Ката не имеют шансов справиться с такой армией. Монгов сдерживала только неприступная стена, под которой Хан Тамур положил более тысяч своих воинов.

Интересно, Хан никогда не пытался обойти стену? Она должна где-то заканчиваться! Или гигантская пушка соблазняет его настолько, что властелин Монгов, как ребенок за игрушкой, лезет на стену в этом конкретном месте?

Роман продолжил смотреть развлечения Монгов. Они очень любили соревноваться; например, во время скачек на галопе они пытались проколоть небольшое кольцо, висящее на веревке. И, надо заметить, лишь немногим это удавалось. Проигравших прогоняли через ряды, и каждый мог ударить или пнуть их; видимо, это служило дополнительным развлечением.

Наконец, на девятый день Рустам спешил к клетке Романа. Один из двух солдат, сопровождавших его, держал квадратный деревянный ошейник. Гилев, скривившись, глянул на щеголеватого воеводу и снова задал себе вопрос о его национальности.

Рустам уловил его враждебный взгляд и улыбнулся в бороду:

-Похоже, ты чувствуешь себя довольно хорошо, сир Гилев, - засмеялся он. - Только пахнет тобой противно, - Рустам сморщил нос. - Тебя хорошо кормили?

Гилев кивнул.

-Скажи Хану, чтобы он менял солому чаще. Всем остальным, я доволен.

Рустам удивленно уставился на него, откинул голову и засмеялся. Его спутники позволили себе только улыбки одобрения.

Смеясь, воевода вытер глаза и продолжил:

-Теперь я верю, что ты действительно сир. Сначала ты публично оскорбили Хана вместе с его озорной сестрицей, а теперь жалуешься, что не делали свежей соломы! - и он снова рассмеялся.

Роман терпеливо ждал, пока Рустам закончит веселиться. Успокоившись, воевода приказал открыть клетку и вытащить его.

-Это первый шаг к твоей судьбе, - напутствовал он Романа, щелкая половинками ошейника перед его носом. - Теперь ты будешь носить эти украшения и станешь одним из домашних рабов Сады. Будь послушным, и когда-нибудь ты будешь носить тонкий золотой ошейник. Понял?

Оба Монга снова начали хихикать, но Рустам, по-видимому, говорил довольно серьезно.

Не стоило сопротивляться, и Роман спокойно позволил одеть на себя, тяжелый ошейник. Он всем сердцем надеялся, что скоро натрет себе внушительную мозоль на затылке и перестанет замечать его грубое прикосновение.

При транспортировке к новому месту обитания, ошейник уже не раздражал его. Гораздо больше мучений вызвал ремень из сыромятной кожи, на котором его тянул один из всадников, нога Романа еще не зажила, и он, хромя, едва успевал за бойкой лошадей. Один раз он споткнулся о булыжник и, к великой радости своих конвоиров, растянулся на песке. Воевода, хмурясь, приказал остановить лошадей и позволил Гилеву подняться и привести себя в

порядок; видимо, он не хотел отвечать перед Садой за увечья заключенного.

Они вышли из лагеря, и пошли к отдельной группе палаток, окруженных высоким плетеным забором. Забор был составлен из отдельных щитов, так что его можно было легко разобрать и перенести на новое место. За забором их встретили вооруженные всадники, одетые не так, как другие воины - личные охранники сестры Всемогущего Хана.

Рустам обменялся с ними несколькими фразами, затем повернулся к Роману. Холодная улыбка играла на его губах.

-Ну, до свидания, сир Гилев. Будь послушным рабом, и ты, наверняка, заслужишь свой золотой ошейник.

Монги вокруг снова загоготали.

Гилева передали из рук в руки, и Рустам умчался со своими людьми. Толкнув разведчика копьём в спину, охранники подвели его к палаткам, которые окружали огромный высокий шатер с прикрепленными по углам конскими хвостами. Хромая мимо, Роман отчетливо слышал высокие женские голоса и ощущал запах молодой женской плоти, которую нельзя было спутать ни с каким другим запахом. В стенах палатки были маленькие круглые окна, и ему показалось, что в одном из них мелькнуло лицо Сады. Его взгляд скользнул дальше. В западном углу огороженной территории была размещена довольно занимательная конструкция - ручка, окруженная острыми деревянными сваями, глубоко вбитыми в землю, оплетенными лозой. Поверх него были тонкие кожаные ремешки с привязанными к ним колокольчиками.

Загон охраняли несколько старых воинов, которые были искалечены в битве, и одеты так же легко, как и остальные воины Хана Тамура. Роман заметил, что воины Всемогущего и красивые, щеголеватые охранники его сестры не испытывают особой симпатии друг к другу.

Гилева втокнули в загон и закрыли дверь; безразлично пожав плечами, он занялся неторопливым изучением своего нового дома. Хорошо, что с него сняли цепь, решил разведчик, поглаживая грубую древесину тяжелого ошейника.

Загон не поражал многолюдностью. Низкие грязные деревянные конурки стояли вдоль стен. Даже ребенку было бы тесно в них находиться, Роман уже собирался осмотреть одну из них, когда услышал странный голос, зовущий его по имени.

-Сир Гилев, вы не могли бы подойти поговорить со мной? К сожалению, я сам не могу подойти ближе. Низкий грубый голос звучал бодро, и Роман обернулся, пытаясь определить источник.

Голос раздавался из хижины слева от него. Он не посмел зайти туда, а просто присел перед входом и заглянул внутрь. Хозяин грубого голоса лежал на куче грязной соломы; обе его ноги заканчивались чуть выше колен. Калека приподнялся на сильных мускулистых руках навстречу Роману и сердечно улыбнулся.

-Я рад приветствовать тебя в моем замке, сир Гилев, - опираясь на одну руку, незнакомец сделал приглашающий жест. - Вообще-то, я очень гостеприимный человек, но сегодня все мои слуги разбежались куда-то, и я во всем дворце не смог найти, ни крошки еды, ни капли вина. Я думаю, ты меня простишь?

- Откуда ты знаешь мое имя? - резко спросил Роман.

Безногий засмеялся и упал на солому.

- Кто не знает твоего имени? По обе стороны стены бытуют легенды о твоих подвигах. Особенно как ты отбрил Саду! Жаль что, в конце концов, тебе придется дорого заплатить за это.

Инстинкт подсказывал Роману, что он может безбоязненно доверять этому безногому веселому парню. В его громком хриплом смехе было что-то заразительное, и разведчик тоже засмеялся, затем, забравшись внутрь, он удобно устроился на соломе рядом с владельцем конуры.

- Это просто чудо, что ты еще жив! - Не успокаивался безногий. - Я также слышал, что Сада смотрела на тебя. Это очень хорошо - если ты в постели так же силен, как на поле битвы.

Гилев почесал грязную, растрепанную бороду, которая, к тому же, пахла ужасно, и внимательно посмотрел в лицо соседу. Что-то очень знакомое было в этих острых чертах ястреба и молочно-белой коже ... Точно! Грязный безногий калека удивительно напоминал Рустама, воеводы монгов! Конечно, этот человек не принадлежал к расе обитателей темных степей.

Безногий также изучал Романа. Его глаза, такие же, как у Рустама, благородного светло-серого цвета, искрились искренним весельем.

- Меня зовут Байбер, - калека протянула мозолистую ладонь разведчику. - Как ты уже догадался, я не Монг. Я из племени Каук. И ты думаешь, что я очень похож на Рустама, нашего командира. Гилев кивнул.

- Не удивительно, потому что Рустам тоже из племени Каук. Когда то мы сражались вместе, и, поверь, сир Гилев, я был его военачальником. Теперь по мне этого не скажешь, верно?

Роман, который скучал по хорошей компании во время пребывания в клетке, с радостью остался поболтать с новым знакомым. Этот человек, очевидно, был не глуп и мог поделиться полезной информацией, как об их хозяйке, так и о будущей судьбе, ожидающей его.

Байбер осторожно дотронулся до его деревянного ошейника.

- Скоро ты сменишь его на золото, если научишься быть покорным, и не будешь делать ошибки. Поверь мне, я долго сижу здесь и достаточно хорошо изучил местный порядок. Ты станешь ее новым фаворитом - пока твой дух не будет сломлен, или она устанет издеваться над тобой.

- Не думаю, что смогу научиться послушанию, - нахмурился разведчик. - Я не захотел кланяться ей даже под ножом и победил. Правда, мое сердце почти остановилось. Но теперь я жив! Как ты думаешь, лучше смириться?

Лысый Бейбер, с покрытыми серой щетиной висками, пристально посмотрел на нового друга и задумчиво сказал:

- Да. Ты еще не понял, что стал рабом. А то, что тебе удалось один раз, может не сработать во второй. Терпению Сады тоже есть предел, поэтому я бы посоветовал тебе успокоить гордость и постараться жить дольше. Хочешь, я расскажу тебе одну забавную историю?

Давным-давно в одном королевстве придворный волшебник как-то раз попал в немилость к королю, - начал калека. - Все его предсказания не сбылись, заклинания не сработали, и король собирался отрезать ему голову, когда волшебник попросил у его величества год жизни. В этот год он обещал научить любимого пса короля говорить. Король был очень заинтересован в таком заманчивом предложении и согласился отложить казнь. Но если волшебник потерпит

неудачу, предупредил государь, то его сварят в кипящем масле заживо.

Итак, один из друзей волшебника поинтересовался, почему он заключил эту совершенно безнадежную сделку с королем, и волшебник ответил: - Потому что год жизни - величайшее сокровище. Все может случиться. Король может умереть. Или, в конце концов, эта собака научится говорить!

Байбер рассмеялся и перекатился на другую сторону соломенной кровати.

- Видишь ли, сир Гилев, нам все еще нужно научиться быть покорным и жить немного дольше, а? В конце концов, все может случиться.

Это было правдой. Роман знал, что Хан отправил посланника в Пуку с требованием выкупа за него. Что Лали будет делать в этой связи? Он не знал, он только слышал, что она согласилась дать посланнику сопровождение. Через два или три месяца посланник вернется ни с чем, и тогда Хан, без сомнения, заберет Гилева у Сады и отрубит его голову. Правда, Максимов может успеть вытащить его.

Байбер снова остановил, свой пронизательный взгляд на госте.

- Ну, я тебя убедил? спросил он шепотом. - Будь послушным, притворяйся дураком, и будешь жить долго. Подожди. Я чувствую, что назревают некоторые важные события, которые перевернут твою судьбу с ног на голову.

Раньше Хан и Сада были любовниками. Они сделали это против воли Оби, их великого черного бога. Теперь между ними существует только ненависть ... Они вынуждены править вместе, но скоро, очень скоро они захотят избавиться друг от друга ... Обычные люди, как всегда, страдают. Я думаю, что эта глупая бесконечная война, когда тысячи лучших воинов идут на смерть из-за прихоти безумца, переполнит чашу терпения. Многие воины уже давно разочаровались в своих лидерах, но Тамуры правили монгами в течение сотен лет, и они все еще боятся их...

- Сир Гилев, будь добр, послушай совет старого безногого калеки, который когда-то тоже был воином ... - Бейбер внезапно замолчал, бросив взгляд через левое плечо Романа, и поспешно закопался в солому. - Аплоний идет. У него золотой ошейник, и он отвечает за нас перед Садой. Так что держи себя в руках, Сир Гилев. Этого парня стоит опасаться.

Роман спокойно обернулся, чтобы посмотреть на парня, которого боялись. Аплоний только что направился в их сторону.

Этот человек с длинным кнутом в руках был определенно Монгам. Но каким! Гилев никогда не встречал таких великанов среди степных людей. Рост Аплония почти не уступал ему и, в отличие от других соплеменников, имел более пропорциональное сложение. Его кожа излучала необычную белизну, а курносый нос и близко посаженные глаза вызывали сомнения в чистоте крови. Цвет волос нельзя было разобрать, так как они были густо смазаны какой-то мазью и лежали в странной сверкающей прическе. Одежда Аплония была приятной для глаз - богато вышитая рубаха с поясом, тонкие кожаные штаны, заправленные в прочные полуботинки. И самое главное - его шею обхватывал прекрасной работы золотой ошейник с иероглифами, обозначающими имя хозяйки.

-И это любовник Сады? С глупо свисающими усами и пучком темных волос, постыдно торочащими на мягком подбородке? Роман не мог поверить, что у сестры монговского предводителя был такой плохой вкус. То, что он видел перед собой, не слишком напоминало

мужчину.

Изящный денди остановился рядом с Гилевым и поморщился.

- Ты сир Гилев? Наш новый домашний раб? - он смотрел, прищурив глаза.

Роман заметил в них смесь страха, лжи и зависти.

- Да, - сказал он, - стараясь не показывать этому красавцу то, что он догадывается о его чувствах.

Бах! Кнут ударил его по лицу, оставляя красный пылающий след.

- Вставай, когда говоришь со мной! - рявкнул денди. - Встань и поклонись! Ниже. Еще ниже!

После получения еще двух ударов Роман начал кланяться, как тот и ожидал. Он жаждал разорвать этого ублюдка в клочья, но отчаянным усилием воли он сдержал безумный гнев. Его рот был наполнен кровью из разбитой губы, и каждая мышца огромного тела дрожала от ярости. И все же он склонялся все ниже и ниже, надеясь, что Аплоний не заметит гримасу ненависти, которая исказила его лицо. Но он, решив, что урок еще не закончен, отошел на два шага и с опозданием принялся стегать Гилева по голой спине. Разведчик сжал зубы, тщательно считая каждый удар. Байбер прав, он должен выжить. Он еще рассчитается с этим клоуном! Устав от взмахов кнутом, Аплоний со вздохом выпрямился и указал на ближайшую конуру.

- Ты будешь сидеть там. Не высовывайся, пока не прикажу! И не пытайся болтать с этим старым дураком, - нашарил он взглядом лысину Бибера, торчащую среди гнилой соломы. - Ты меня понял, свинья? Ни какой болтовни! Еще раз увижу тебя с ним, пожалеешь, что родился на свет. Я не убью тебя, потому что Сада запретила это делать ... но я заставлю тебя умолять о смерти, и он снова хлопнул Гилева по спине.

Стараясь не смотреть мучителю в лицо, Роман, дрожа от ярости, забрался в свою конуру и притих там.

Голос Аплония продолжал назойливо лезть к нему в уши.

- У рабов нет имен. Я бы называл тебя просто свиньей, но Саде это может не понравиться. Поэтому я буду звать тебя Гилев, тебе придется попрощаться с Сиром. Завтра, ты пойдешь на работу. Будешь безоговорочно повиноваться мне, и даже не посмеешь смотреть на меня без приказа. Ты понял меня, свинья?

- Да, понял, - Роману удалось выжать слово.

- А ты, старый болтун! - Аплоний заполз в конуру Бибера, и оттуда донеслись звуки ударов. - Я не понимаю, - возмущенно сказал Аплоний, используя кнут, - почему они не позволяют мне убить тебя. Почему старик? Ведь у тебя нет ни сильных друзей, ни покровителей! Почему я не могу убить тебя? - его голос разразился пронзительным визгом, и Гилев вздрогнул от отвращения. Ему снова пришлось сдерживаться, чтобы не ворваться в соседнюю конуру и не переломать кости этого ублюдка.

Аплоний закончила хлестать Бейбера и заглянула в конуру Романа.

- Увидимся завтра, - зловеще предупредил он. - Подумай сейчас над моими словами.

Сидя на соломе, Роман наблюдал, как Аплоний в сопровождении низко кланяющихся охранников вышел из ворот и вскочил на коня. Когда он исчез из поля зрения, по жестам охранявших его Монгов, Роман пришел к выводу, что они тоже не испытывали особенно теплых чувств, к питомцу Сады.

- Привет, - прошептал ему Бейбер через прилегающую стену, - откинься назад и постарайся говорить, не шевеля губами. Охранники знают, что мы болтаем, но не трогают нас, если не шуметь. Кроме того, они ненавидят Аплония так же сильно, как ты и я.

- Что ж? И как он еще не утонул в этом океане ненависти? - Прошипел Роман и услышал, как Бейбер глубоко вздохнул из-за перегородки.

- Откуда мне знать? - пожаловался он. - Иногда мне кажется, Сир Гилев, что кроме ненависти в этом мире ничего не осталось. Если ты пройдешь через весь континент, от широких степей Монгов на юге до холодных северных гор Немы, ты увидишь то же самое. Но хватит об этом. У тебя хорошо получилось. Я уже решил, что ты не вынесешь и убьешь этого негодяя.

-Была такая мысль, - честно признался Роман.

- Это могло все испортить. Ничего не поделаешь, придется подождать. Аплоний, понимает, что мертвец. Рано или поздно ты попадешь в кровать Сады, а потом... Ты заметил страх в его глазах?

Гилев утвердительно хмыкнул. Он наблюдал, как солнце медленно исчезало за высокими холмами. Вскоре его сияющий диск полностью исчезнет из поля зрения.

Бейбер за стеной тихо смеялся

- Да, конечно, Аплоний знает, что ему не обхитрить судьбу. Еще неделю или две, и он начнет утомлять Саду. Придет твоя очередь. И он по натуре трус не думает о другой судьбе, кроме раба. Ошейник остается ошейником, независимо от того, из чего он сделан ... Давайте лучше поговорим о других вещах.

-Давай, - согласился Роман. - Знаешь, старик, я пока плохо понимаю, что здесь происходит. Не мог бы ты просветить меня? И объяснить более подробно, что ты имел в виду, когда говорил, что скоро, что-то произойдет ... что-то, что может изменить мою судьбу.

Тишина. Роман почти воочию представил, как Байбер ковыряется в соломе, устраиваясь поудобней для долгого разговора.

-Я сказал, что что-то может произойти, сир Гилев, но я точно не знаю. И прежде чем поделиться с тобой своими догадками - и всем, что я собираюсь рассказать, родилось в моей голове - я должен взять с тебя слово, что ты не будешь торопить события и пытаться действовать в одиночку. Потому что если что-то случится, то только в свое время. - Байбер мягко постучал по стене. - Так ты обещаешь, сир Гилев? Я всего лишь беспомощный безногий старик и скоро умру ... но я не хочу умирать здесь.

-Хорошо, я обещаю, сказал Роман. - И, пожалуйста, забудь, сира Гилева. Ты помнишь, что сказал наш хороший друг Аплоний? Теперь я просто Гилев, пока он не придумает что-то еще.

-Как скажешь, - согласился Бейбер. - Теперь слушай. И помни свое обещание.

Как ты уже знаешь, начал он, воевода Рустам - мой соотечественник. Он отличный солдат, но, как и все Кауки, он наемник и служит за вознаграждение. Я тоже был такой, но ему повезло, а мне нет. Я воевал против Монгов и был взят в плен. Затем Рустам и спас мне жизнь, посоветовав Хану отрезать мне ноги - вместо того, чтобы отрезать мою голову.

Роману это показалось очень сомнительным актом милосердия, но он промолчал.

-Хану было все равно, что резать, - продолжал Бейбер, - он уважал Рустама и согласился оказать ему такую услугу. Итак, Рустам оставил мне жизнь, правда, без ног. Я говорю тебе это для того, чтобы ты понял - я могу угадать мысли Рустама. В конце концов, мы оба Кауки.

Из-за вражды между Ханом и Садой Рустам оказался в очень деликатной ситуации. Он великий воин, и Хан знает это и ценит. Его уважают даже простые солдаты. Тем не менее, Сада также пытается оказать ему всевозможные знаки внимания, чтобы он перешел на ее сторону, когда она двинется против Хана. Ты понимаешь?

Роман ответил, что не хотел, бы поменяться местами с этим выдающимся командиром.

- Вот именно! - хихикнул Бейбер. - Рустаму сейчас намного хуже, чем нам, мы можете только позавидовать его терпению и выносливости. Он не должен проявлять, чрезмерного дружелюбия или враждебности, по отношению к Всевышнему или его сестре - иначе его раздавят в порошок. И поэтому он терпеливо ждет начала штурма.

-Хорошо, - прервал Роман старика, - предположим, ты прав. Но как это связано со мной?

-Ты убил Косу, верно? Даже Рустам не способен на такой подвиг. Увидев тебя, я понял, что Сада, возможно, приготовила тебе более важную роль, чем постель.

-То есть, получив меня, ей больше не нужен Рустам?

- Не совсем так. Я думаю, она проверит тебя не раз, прежде чем посвятить в свои планы. Однако ни ты, ни я, ни сами Монги не будут чувствовать себя лучше, если она прикончит Хана. Или если ее безумный брат прикончит ее. Разницы нет - оба кровавые маньяки. И кто бы ни победил, мира не будет, и эта ужасная война все равно не закончится. Нужно убрать двоих. Рустам прекрасно это понимает, и я надеюсь, что он начнет действовать сам. Конечно, когда придет время, он захочет, чтобы ты был на его стороне. Понял?

Роман задумался, затем спросил:

-Почему ты сказал, что Хан сумасшедший? Я ничего такого не заметил.

- Поверь мне, он сумасшедший. Изредка у него случаются приступы, а между ними он выглядит вполне нормально. Незадолго до твоего появления в лагере у него был длительный приступ, и теперь болезнь оставила его на некоторое время. Но она вернется, она обязательно вернется! В такие моменты никто не может чувствовать себя в безопасности - ни мужчина, ни женщина, ни ребенок ... особенно маленькие девочки.

Холод пробежал по спине Романа. Какое это имеет отношение к маленьким девочкам? Он обратился к Бейберу за разъяснениями.

-Видишь ли, Сада безумна, как ведьма, одержимая жаждой убийства, наслаждающаяся мучениями своих жертв. А душу Хана грызет гораздо более опасное заболевание, с которым даже Оби, великий черный бог, не может справиться. Хан стал бессильным и не может любить

женщин. Ни одну из женщин, кроме маленьких, совсем молодых девушек, еще не созревших для постели. Когда к нему приходит безумие, Хан забирает такую девушку и жестоко насилует ее ... затем следующую, все больше и больше, до тех пор, пока приступ не закончится.

- А почему, люди молчат? Почему отцы и матери этих несчастных детей ничего не делают?

Безногий грустно рассмеялся.

- Конечно, нет. Они прячут своих детей и молятся. Да, они проклинаят Хана - так чтоб никто не слышал их. Ты проходил мимо виселицы?

- Да. Больше недели назад.

- Видел там посаженного на кол человека?

- Видел. По-моему, он был уже мертв.

- Бедный человек ... Один из воевод. Хороший боец и преданный Хану. До тех пор, пока во время недавней атаки Кхан не изнасиловал его маленькую дочь. Затем, когда разум вернулся к нему, Хан устроил великолепные похороны для девочки, осыпал золотом безутешного отца и публично бил кулаками в грудь, умоляя Оби отпустить его грехи. Он всегда так: сначала убьет, а потом плачет, молится и просит прощения у черного бога. Я ничего не могу сказать об Оби, но отец девочки не простил Хана и сразу после похорон попытался убить его. Ты уже видел, что из этого вышло.

- Он слишком поспешил, - в голосе Бейбера прозвучало сожаление. Слишком рано ударил. У нас, на Кауков, есть одна пословица: «Чем дольше ждешь, тем слаще месть». Запомни ее хорошо, Гилев.

- А что карлик Морфо? - после паузы спросил Роман. - Ты знаешь его?

Долгое время Бейбер не отвечал. Когда, наконец, заговорил, его голос потерял все тепло и дружелюбие.

- Я знаю о нем, и видел его не раз, - признался он. - Ну и что?

Было ясно, что безногий не склонен говорить на эту тему, но Роман продолжил настаивать.

- Довольно странный человечек, - попытался зайти с другой стороны. - Когда меня поймали, он подошел к палатке ... намеревался, что попытается спасти мою жизнь. Он также сказал, что служит Саде ... хотя, думаю, это не совсем так. Я не видел его долгое время, и теперь ломаю голову над тем, кто меня ждет? Друг? Враг? Или кто-то еще? На кого он работает? Мне показалось, что ты знаешь все обо всех.

Солнце полностью исчезло за горизонтом. Под стеной Середина снова громко бабахнула пушка, и нефритовый шар со свистом разлетелся в кучу бесполезных осколков, не причинив никому вреда.

- Мы не будем говорить о карлике, - сказал Бейбер. - Я знаю о нем не много и не могу сказать ничего хорошего ... ну, и плохого тоже. Возможно, он настолько умен, что работает на себя ... хотя это было бы самой удивительной вещью в мире.

Этой скудной информацией Роман и должен был удовлетвориться. Охранники принесли еду -

все тот же черствый хлеб и конину, а также неизменный кувшин браасса. После еды и питья Роман спокойно засыпал, закрыл глаза и, прислонившись к стене, дремал, едва прислушиваясь к быстрому шепоту Бейбера. Факелы горели в углах загона, и все было тихо, только свежий ночной ветер слегка шевелил колокольчики на заборе.

На калеку брос не действовал, разве что сильнее развязал язык. Его слова журчали, как ручей, усыпляя Романа. Краем глаза он заметил, что Байбер, как, оказалось, был на своей родине сказателем. Кауки очень ценили таких людей, наделенных даром выражать свои мысли и чувства в звонких строфах саг. Бейбер жаловался, что в течение многих лет он не перебирал струн жадара. Это был, как понял Роман, музыкальный инструмент, напоминающий лиру.

Мягкий голос Бейбера одновременно убаюкивал разведчика и не давал ему упасть в бездну снов. В конце концов, он полностью утратил нить истории и начал думать о своем, мысли плыли медленно, лениво, как будто подчиняясь единому мелодичному ритму речей скальда.

Интересно, будет ли он счастлив, вернуться в привычный мир Земли? Ведь его миссия только началась ... Роман не мог однозначно ответить на этот вопрос. Конечно, пытки и ужасная смерть в этом мире гораздо реальнее, чем в его собственном измерении. Но здесь его ждет то, чего он так страстно жаждал на Земле - приключение. Да, все верно - ПРИКЛЮЧЕНИЕ; Гилев подумал о нем, и слово, написанное огромными светящимися буквами, плавало под закрытыми веками. Приключение и надежда. Надеюсь что-то изменить, несмотря на смерть, опасность и страдания. Потому что шесть шагов вперед и пять назад в конце все же приближают вас к цели. Была ли надежда, в его собственном мире, от нее давно ничего не осталось. Странно, что он понял здесь то, что не мог понять там.

И Роман Гилев, обрадованный приятным ощущением этого нового знания, мгновенно заснул в глубоким и крепким сном.